

смерти, это я есть человечество». И такъ человекъ безсмертенъ въ человечествѣ. «Мы не только представляемъ изъ себя потомство тѣхъ, кои уже жили, но, въ сущности и дѣйствительно, мы эти самыя предыдущія поколѣнія», и т. д.

Какъ мы видимъ, это вполне сходно съ тѣмъ, что утверждаетъ графъ Толстой. Въ сущности, это только отводъ и то же ученіе о конечной смертности личнаго сознанія въ человекѣ.

Во свѣтъ *этого* безсмертія что можетъ сдѣлать человекъ? Всего естественнѣе онъ можетъ желать радѣть объ увеличеніи внѣшняго благосостоянія въ человечествѣ. Это удастся, по существу дѣла, весьма немногимъ. Но положимъ, онъ внесетъ и свою лепту въ достиженіе этой высокой цѣли; его трудъ не пропадетъ и будетъ жить въ далекомъ потомствѣ. Допустимъ, что онъ даже совершенно честно служилъ своему дѣлу и достигъ неувыдаемыхъ результатовъ. Положимъ дальше, что онъ совершенно искренно любилъ своего ближняго и дѣлалъ ему добро по крайнему своему разумѣнію. Таково было безотчетное влеченіе его внутренней природы. Но какое было отъ того благо для души его? Ровно никакого, ибо въ этомъ ученіи не можетъ быть и мѣста для души, какъ таковой; не находится ей мѣста и въ ученіи графа Толстого.

Вмѣсто души человекъ оставляетъ по себѣ воспо-